

Хмелевский Михаил Сергеевич

Санкт-Петербургский государственный университет
(г. Санкт-Петербург, Россия)
chmelevskij@mail.ru

Раина Ольга Викторовна

Санкт-Петербургский государственный университет
(г. Санкт-Петербург, Россия)
raolga80@mail.ru

МИФОЛОГЕМЫ ЕВРОПЕЙСКИХ НАРОДОВ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО*

Статья посвящена ранее не затрагиваемой ни в украинистике, ни русистике теме русскоязычной прозы Т.Г. Шевченко, в частности его «Дневника», который по сути представляет собой настоящее художественное произведение, написанное на русском языке в 1857-1858 году. Предметом анализа в работе является функционирование и обыгрывание автором европейских концептуальных символов, восходящих к античной мифологии и заключающих в себе ассоциативный смысл для современной западной культуры.

Ключевые слова: украинский язык, русский язык, Т.Г. Шевченко, лингвокультурология, текстология, мифологема, «Дневник»

This article is devoted to the prose of T.G. Shevchenko written in Russian, that was not touched upon in either Ukrainian or Russian studies, in particular his «Diary», which in fact is a real

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта «Проведение социолингвистических исследований городского диалекта Киева: языковая многокодовость и киевское русскоязычие на фоне русско-украинского билингвизма» (№ 19-012-00613 А).

work of art written in Russian in 1857-1858. The subject of analysis is the functioning and usage of European conceptual symbols by the author, dating back to ancient mythology and containing an associative meaning for modern Western culture.

Keywords: Ukrainian, Russian, T.G. Shevchenko, linguoculturology, textology, mythology, „The Diary“

Величайший украинский поэт, прозаик, художник и мыслитель Т.Г. Шевченко, гордость и духовный «прародитель» украинского национального и культурного самосознания, которого на его родине с любовью и почтением называют *Неньо* – т.е. «отец» (или *Кобзарь* – «украинский народный певец, представитель эпического жанра» [8, с. 200]), в 1847 г. был сослан в Оренбургскую губернию. В своем докладе начальник Третьего отделения А.Ф. Орлов писал: «Шевченко... сочинял стихи на малороссийском языке самого возмутительного содержания» [1, с. 115]. Как пишет сам Шевченко: «Я занимался тогда сочинением малороссийских стихов, которые впоследствии упали такой страшной тяжестью на мою убогую душу» [9, с. 21].

С 1857 по 1858 г. Шевченко, пребывая в ссылке, пишет свой «Дневник», который представляет собой поистине настоящее художественное произведение, ставшее достоянием как русской литературы и культуры (т.к. он написан на русском языке и содержит, помимо личных переживаний, энциклопедические зарисовки реалий и знаковых личностей того времени), так и украинской, поскольку современную Украину невозможно себе представить без такого явления, как Шевченко.

Феномен гения Т.Г. Шевченко до сих пор остается загадкой для многих, кто занимается его биографией, творчеством и языком. Помимо всего прочего, его талант заключается еще и в том, что крепостник, выходец из «малороссийской» деревни Звенигородского уезда Киевской губернии (сейчас Черкасская область) смог в течение своей довольно непродолжительной жизни стать одним из ярчайших символов самобытной украинской литературы и культуры, украинского национального самосознания, он внес значительный вклад в становление современного литературного украинского языка, а также впитал в себя глубину европейской культуры, подтверждением чему, в частности, является его «Дневник», который он писал в ссылке без доступа к библиотекам и литературе. Богатейшая поэтическая часть его поэтических произведений была создана им на украинском языке, тогда как не менее богатая по своему значению проза была написана им на русском языке, которая по своей образности и стилю заслуженно может встать в один ряд с прозой Н.В. Гоголя [4, с. 51].

Русский язык «Дневника» Шевченко представляет собой весьма иллюстративный пример того, в каком виде эта форма так называемого «карамзинского» языка функционировала в речи украинской интеллигенции того времени, помогает раскрыть суть гоголевского стиля, а также стиля писателей-москвофилов в Галиции XIX–XX вв., отличного от стиля и языка русских писателей.

Анализу текста «Дневника» посвящено немало научных работ, в которых примечания и комментарии к нему по объему сопоставимы с объемом самого произведения [8, с. 15; 9, с. 3; 10, с. 5]. Мы же в настоящем исследовании остановимся лишь на одном аспекте, слабо освещенном в научной литературе, а именно на моменте эрудированности Шевченко в общеевропейской культуре, что отражено в его прозе и заслуживает отдельных комментариев.

Нас интересует употребление мифологем и их обыгрывание в прозе Шевченко, их роль и функция в создании своеобразной стилистической мелодики, т.е. сознательное использование заимствованных мифологических тем и персонажей в художественном тексте, а также вкраплений прецедентных имен и аллюзий, представляющих собой концептуальное значение для европейской культуры. Многие из них автор употребляет для языковой игры, которая в лингвистике трактуется как отклонение от языковой нормы для достижения стилистического эффекта [3, с. 338] с целью создания комического эффекта за счет сочетания высокого с низким и обыденным, серьезного с несерьезным в одной фразе. На подобных контрастах во многом и строится принцип его непринужденного, легкого и ироничного повествования о суровой действительности, которую ему пришлось вынести в ссылке. Несомненно, этот прием весьма характерен для русскоязычной прозы Шевченко, который придает неповторимый юмористический характер отношения автора к описанию окружающей его реальности, что может быть прокомментировано шире – как общая специфика украинского юмора (вспомним, например, язык «Энеиды» И.П. Котляревского, произведений Н.В. Гоголя, пьесы М.П. Старицкого «За двумя зайцами» и др.), отражающая украинский менталитет и отличающая его от русского, где юмор зачастую саркастичен и трагически остр (вспомним, например, произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина) [5, с. 63; 6, с. 61; 2, с. 91].

Проиллюстрируем вышесказанное на ряде показательных языковых примеров (здесь и далее примеры, приводимые курсивом, были выбраны из оригинального текста «Дневника» Т.Г. Шевченко и сохранены в оригинальной орфографии [7], [8]):

...Друг его отправился на пароходе Харона прогуляться в Елисейском парке... Харон – перевозчик душ умерших в подземное царство. Здесь этот образ в сочетании с обыденным словом «пароход» используется как метафора для создания комического эффекта.

...Проводя вечер в сообществе Телемона и Бавкиды (так я в шутку называю Зигмунтовских), по дороге зашел я к маркитанту... Филемон и Бавкида – герои античного мифа, согласно которому Зевс и Гермес под видом обычных путников стучались в двери многих домов в поисках приюта, где им везде отказывали, кроме Филемона и Бавкиды, бедно живших в небольшой соломенной хижине и накормивших непрощенных гостей.

Потом в Москву. А из Москвы, помолвившись за Фультонову душу, через 22 часа и в Питер. Р. Фултон – американский инженер и изобретатель, созда-

тель одного из первых пароходов. Это значимое имя для того времени, которое Шевченко искусно обыгрывает, чтобы образно и глубже передать внутреннее томительное ожидание, когда он, наконец, сможет вернуться из своей многолетней ссылки в Петербург; с которым его связывали воспоминания о студенческой жизни, друзьях и юношеских годах, а также когда он снова сможет писать и рисовать, чего он был лишен в течение всего времени пребывания в Оренбургском крае, где он втайне карандашом на обрывках бумаги писал свой «Дневник» и где, обладая талантом художника, в точности закартографировал Аральское побережье (за что его надзиратели получили выговор, а сам Шевченко был отправлен на новое поселение на Каспии).

А наш почтенный Гиппократ, несмотря на зной и холод, просиживает у калитки. Гиппократ – известный древнегреческий лекарь, имя которого Шевченко для усиления иронии употребляет по отношению к тюремному врачу.

И ко всему прочему мне еще запрещено рисовать... Август-язычник, ссылая Назона к диким Гетам, не запретил ему писать и рисовать. А христианин N [Николай I] запретил мне и то и другое. Здесь мы видим сразу несколько аллюзий на факты европейской истории: Гай Юлий Цезарь Октавиан Август выслал Публия Овидия Назона, древнеримского поэта, к устью Дуная, к воинственному племени гетов (ныне город Констанца в Румынии, что является образной параллелью, которую проводит Шевченко в отношении своей судьбы: Рим и окраины Римской империи – Санкт-Петербург и Оренбургский край, который для него, как украинца, выросшего среди буйства красок природы, выглядит уныло, чуждо и неприемлемо: «Местоположение грустное, однообразное, тощие речки Урал и Орб, обнаженные серые горы и бесконечная Киргизская степь...», – пишет он в своем «Дневнике»). В этой связи сопоставим опус Шевченко: «Независимо от этой глубокой политики, в великороссийском человеке есть врожденная антипатия к зелени, к этой живой блестящей ризе улыбающейся матери природы. Великороссийская деревня – это, как выразился Гоголь, наваленные кучи серых бревен с черными отверстиями вместо окон, вечная грязь, вечная зима!... В Малороссии совсем не то. Там деревня и даже город укрыли свои приветливые хаты в тени черешневых и вишневых садов. Там бедный неулыбающийся мужик окутал себя великолепною вечно улыбающеюся природою...» [9, с. 125].

Некоторые вещи просветлили, округлились... Но это следствие невозмутимо летящего старика Сатурна, а никак не следствие горького опыта. Сатурн – в мифологии бог земли и посевов у древних римлян.

Ти, сестро, Феба, молодая! Мене ти в пелену взяла I геть у поле отнесла... – вставка в русскоязычный текст поэтического фрагмента, которые Шевченко создавал исключительно на украинском языке. Феба – персонаж древнегреческой мифологии, по преданию, бабушка и кормилица Аполлона.

Неумолимая Немизида преследует меня на каждом шагу. Немизида – в древнегреческой мифологии богиня, карающая за нарушение обществен-

ных и нравственных порядков, ее образ явно перекликается с тем внутренним состоянием, который испытывал Шевченко, находясь в неволе, и который он использовал для выражения чувства своей безысходности: «Надеждою живут ничтожные умы, сказал покойник Гете», - добавляет Шевченко чтобы подчеркнуть свою обреченность и невозможность вернуться ни в Петербург, ни на родину.

Образ Морфея – в античной мифологии бога пророческих или лживых сновидений – довольно часто мы встречаем у Шевченко в основном для создания языковой игры или комического эффекта с обыгрыванием образа античного персонажа для описания бытовой действительности: *Я уже другие сундї не смыкал глаз. Морфей, по обыкновению, изменил мне, и я лежал под вербою и рассказню слушал болтовню огородников; ... на крыльях волшебника Морфея я перенесся в Орскую крепость; ... снова заснул, моля Морфея, продолжить прерванное милое сновидение.*

Ходил в контору «Меркурия» (речное сообщение по Волге) *узнать, скоро ли придет этот сын Юпитера.* Здесь мы видим явный пример языковой игры, который в одной фразе опять же объединяет бытовое, приземленное и возвышенное. По древнеримской мифологии, у Юпитера (бога неба, света и главного в иерархии богов) не было сыновей, таким образом, подобную словесную игру можно отнести к интенсификации своих томительных чувств и мыслей о свободе.

В конце обеда амфитрион прочел в честь мою стихи... Здесь опять-таки мы встречаемся с языковым каламбуром, в котором сочетается обывательское «обед» и стилистически высокое «Амфитрон» – героический персонаж древнегреческой мифологии, который Шевченко использует исключительно в качестве интенсификатора образности и языковой метафоры.

Таким образом, остается открытым вопрос языковой дистрибуции в прозаическом творчестве Т.Г. Шевченко, созданном на русском языке, а также концептов, которые являются частью мировой культуры. Вопрос влияния европейской культуры на формирование славянского национального самознания до сих пор остается не достаточно изученным, что свидетельствует о необходимости дальнейших изысканий в данной области.

Литература

1. Бондарь, Н. А. «Дневник» Т. Г. Шевченко: лексический аспект / Н. А. Бондарь, В. В. Филипович // Література та культура Полісся. Серія : Філол. науки. – 2014. – Вип. 77. – С. 114–122.
2. Кузнецова, И. В. Киевский суржик как феномен украинской городской разговорной речи (на примере комедии М. П. Старицкого «За двумя зайцами») / И. В. Кузнецова, А. В. Савченко, М. С. Хмелевский // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. – 2018. – № 2 (98). – С. 89–99.
3. Кузнецова, И. В. Языковая игра в библейской фразеологии разных языков / И. В. Кузнецова // Studia Slavica Hung. – 2014. – Т. 59/2. – С. 337–351.

4. Савченко, А. В. К истокам формирования и становления украинской трехкодовости (русский язык – суржик – украинский язык) / А. В. Савченко, М. С. Хмелевский // Славяноведение. – 2018. – № 6. – С. 47-60.

5. Савченко, А. В. «Дневник» Т.Г. Шевченко в культурологическом и лингвистическом освещении / А. В. Савченко, М. С. Хмелевский // Социально-гуманитарные инновации: стратегии фундаментальных и прикладных научных исследований : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Оренбург, 2019. – с. 676-680.

6. Савченко, А. В. «Над кем смеетесь?», или о специфике создания комического в украинском языке (на примере романа О. Черногуза «Аристократ из Вапнярки») / А. В. Савченко, М. С. Хмелевский // Współczesne badania, problemy i analizy językoznawcze. Językoznawstwo. – Łódź, 2018. – S. 57-73.

7. Словник мови Шевченка. – Київ, 1964.

8. Словник української мови: в 11 т. – Київ, 1973. – Т. 4. – С. 200.

9. Шевченко, Т. Г. Дневник / Т. Г. Шевченко. – М. – Ленинград, 1931. – 442 с.

10. Шевченко, Т. Г. Щоденник / Т. Г. Шевченко. – Київ, 2003. – 270 с.